

О. МИШИН

УРОКИ ПЕРЕВОДА „КАЛЕВАЛЫ“

«КАЛЕВАЛА» вошла в литературную сокровищницу мира. О ней написаны горы исследований. Образы «Калевалы», ее содержание и поэтика прошли не только длительную обработку и шлифовку в народной памяти, но и выверены наукой. Все это означает, что перевод карело-финского эпоса — весьма ответственное дело. Переводчик стоит перед сложной задачей — сделать перевод и художественным, и максимально близким к оригиналу.

История переводов одних и тех же произведений свидетельствует о том, что далеко не всегда новый перевод автоматически отменяет предыдущий. Самый факт появления новых переводов говорит о многогранности и емкости оригинала. Часто переводы, дополняя чем-то друг друга, «сосуществуют» в литературе. Эстетическое преодоление старого перевода требует огромных усилий от переводчиков, усилий, которые могут увенчиваться равно как удачами, так и неудачами. Художественный уровень перевода, его поэтическая адекватность оригиналу зависят от многих обстоятельств (социально-исторических, историко-литературных, индивидуально-творческих). Решающую роль здесь, разумеется, играют талант и эрудиция переводчика.

В этой статье рассматриваются переводы карело-финского народного эпоса, выполненные Л. П. Вельским («Калевала», изданные второе, исправленное, 1915), Э. Гранстремом («Калевала», издание третье, 1910), и более подробно анализируется перевод группы карельских переводчиков («Калевала»). Избранные руны карело-финского народного эпоса в композиции О. В. Куусинена». Петрозаводск, 1970, 1973).

Избранные руны карело-финского народного эпоса (композиция О. В. Куусинена, перевод А. Хурмеваары, А. Титова, Н. Лайне, М. Тарасова) вышли дважды — в 1970 и 1973 годах и вызвали положительные отклики в печати. Но, как считают некоторые специалисты, разговор о новом переводе рун «Калевалы» должен быть продолжен.

Публикуя в дискуссионном порядке статью кандидата филологических наук О. Мишина, редакция начинает обсуждение проблем переводческой работы.

Перевод Вельского хорошо известен читателям. Впервые напечатанный в 1888 году, он был заслуженно удостоен Пушкинской премии. Имя Э. Гранстрема большинство читателей наверняка раньше не слышало и тем более не читало его перевода. Лишь редкие библиофилы знают о существовании русской «Калевалы» Э. Гранстрема, в стихотворном варианте изданной дважды (1898, 1910). Советские исследователи до сих пор никогда не обращались к переводам Гранстрема, если не считать упоминаний первого прозаического издания его «Калевалы» (1881). Оставляя подробный разговор о работе Гранстрема на будущее, отметим, что в 1908 году по его переводу было выполнено чешское переложение «Калевалы».

Итак, какими же принципами руководствовались русские переводчики эпоса?

Наиболее пространно об этом высказывался Л. П. Вельский. Важная проблема, возникшая перед ним, — «литературным или народным русским языком следует передавать иноземное народное произведение?» (под «народным языком» подразумевался язык фольклора — О. М.) — разрешалась Вельским в пользу литературного языка: «По нашему мнению, передача чужого произведения русским народным языком не может иметь места. Русский народный язык имеет свои национальные особенности, включает в себе понятия чисто русские, ограниченные народным мирозерцанием и вмещает в себя нечто такое, с чем не согласуются соответствующие понятия других языков. Таково свойство и всякого народного языка. Между тем язык литературный гораздо гибче, понятия его гораздо шире, и он может передавать иноземное реченье с большим удобством». На примере русского народного выражения «красна девица» и финского «*koega itri*» Вельский показал глубокие национальные различия фольклоризмов. «В финском понятии «*koega itri*» никак не может заключаться того, что есть в выражении «красна девица», но литературное выражение «прекрасная девица» передает «*koega itri*». В том, что «народный язык» не годится для перевода

«Калевалы». Бельского убедили переводы рун, осуществленные С. В. Гельгреном и напечатанные под общим названием «Калевала» («Песни о Куллерве», 1880; «Песни про Айно», 1881; «Три первые песни», 1885). Русские фольклоризмы («леса дремучие», «гой еси», «мать сыра земля» и др.) лишили перевод Гельгрена достоверности, хотя в нем и были частные удачи.

Вторая проблема, которую разрешал Бельский, — «достигнуть достоверности и полной точности». Будучи ученым, Бельский основательно изучил «Калевалу». Предисловия к первому и второму изданиям и его примечания ко второму изданию свидетельствуют о скрупулезной подготовительной работе Бельского. Однако думать, что Бельский буквалистски перевел «Калевалу», — значит глубоко заблуждаться. Он опровергает это и своей переводческой практикой, и признанием, что «часто достоверность перевода не передает те мысли и чувства, которые заключаются в оригинале, и производит нежелательное впечатление». «Главнейшей заботой переводчика, — считал Бельский, — всегда должна быть возможная близость к оригиналу и правильность слога». Бельский старается «по возможности перевести стих в стих» и сохранить «общий смысл речи, не искажать общего значения отдельных речений», «стремясь к точности», не забывает о «впечатлении, какое производит переводимое им место» на русском языке.

Третья задача и связанная с ней проблема, по которой высказывался в своих предисловиях Бельский, — передать дух тех эпох, характер тех мировосприятий, которые отразились в рунах. Бельский писал: «Калевала» давно уже обратила на себя внимание исследователей народного эпоса и мифологии, представляя собою переходную ступень народного эпоса между более древним, когда предметом песнопения служат только боги и стихии, — какова, например, греческая «Теогония», — и позднейшим, эпосом героическим, в котором с трудом раскрываются древнейшие черты поэзии о богах и стихиях, например, русские былины. Финский эпос — поэзия стихий, тесно связанная с поэзией героической и бытовой. Словесный материал, строй стиха, интонации, которых искал переводчик, диктовались ему именно поэзией «стихий» (мифологической), поэзией «героической» и поэзией «бытовой». Эти три момента и определяли тот поэтический сплав, который создал на русском языке Л. Бельский. Переводчик передавал детали крестьянского быта, при этом никогда не «заземляя» или содержания героических рун, соблюдая интонацию торжественности происходящего и подчеркивая первоизданную свежесть всего, что создавалось руками калевальцев.

И, наконец, Бельский хотел воспроизвести художественные приемы «Калевалы». Он хорошо знал «особенности слова... оригинального эпоса»: его богатые синонимы, синонимические параллелизмы, «правильность стиха», «обилие аллитераций», его музыку, его строй. Помня обо всем этом,

он стремился средствами русской поэзии приблизиться к форме «Калевалы».

Эти главные четыре задачи, главные принципы Бельский воплощал во многих рунах как поэт. Правда, стремление точно передать содержание фразы и ее строй иногда приводило Бельского к некоторому косноязычию. Избрав для своего перевода размер уже до него «открытый» переводчиками карело-финских рун (Ф. Глинка, Я. Грот, С. Гельгрэн), Бельский показал богатые возможности данного размера. Но он же признавался, что вынужден «иногда... синонимически заменить слово, не укладывающееся в стих, или перенести речение из одного стиха в другой, или, наконец, опустить или вставить какое-нибудь неважное слово, но все это, конечно, без ущерба смыслу содержания». Сеговал Бельский и на то, что трудно передавать избранным размером строчки, где два-три слова. Заметим, что к своему переводу он относился весьма скромно и сам говорил о его недостатках. Бельский вносил исправления в свой перевод до конца жизни. Второе издание во многом отличается от первого. Ряд исправлений он оставил в примечаниях ко второму изданию «Калевалы». Здесь уместно еще упомянуть сокращенное издание для юношества, опубликованное Бельским в 1905 году. В советское время «Калевала» в переводе Л. П. Бельского издавалась несколько раз. Перевод редактировали Д. В. Бубрих (1933), Е. Г. Кагаров (1940), М. Шагинян и В. Казин (1949), В. Казин (1956). Редактура в основном качественно улучшила текст перевода.

Э. Гранстрем поставил перед собой задачу популярного перевода «Калевалы», предназначенного «для русского юношества, ознакомление которого с величавым народным финским эпосом имеет общепризнанное научное и образовательное значение». Эта установка, с одной стороны, давала Гранстрему право на сокращения некоторых стрóf и строк, чтобы усилить сюжетное движение поэмы, с другой — требовало от него верности подлиннику. Он сохранил все 50 рун и старался передать специфику калевальской формы в русских стихах. Так же, как когда-то Гранстрем оказал воздействие на перевод Бельского своим прозаическим переложением (это сказало в трактовке Бельским некоторых образов и мотивов), Бельский повлиял на Гранстрема, который воспользовался рядом находок Бельского, но в целом перевод Э. Гранстрема оригинален и органичен по стилю. Переводчик в ряде случаев добился большей легкости и стремительности в строении фразы и даже более точной передачи содержания, чем Бельский. Однако перевод Гранстрема по сравнению с переводом Бельского менее фольклорен. С точки зрения стиля Гранстрем больше шел от литературы, что, впрочем, не заслоняет в его переводе главного: достоверного воспроизведения духа «Калевалы».

Принципы, которыми руководствовались переводчики избранных рун «Калевалы»

в композиции О. В. Куусинена, изложены в работе А. Хурмеваары «Калевала» в России». Главный принцип: переводить «на максимально живой современной литературный русский язык». Переводчики должны были избегать «проникновения в их язык старославянизмов (арханизмов)». «Фольклоризмы также были отнесены к нежелательным». «Почти все остальные стили современного русского языка широко использовались переводчиками, за исключением грубых вулгаризмов и нарочитых неологизмов». Таким образом, по сравнению с Бельским и Гранстремом современные переводчики использовали лексику русского языка несколько шире.

Меньше, чем Бельского, карельских переводчиков беспокоило различие эстетических представлений двух народов. «...поэтический мир «Калевалы» удивительно близок русскому, благодаря чему при переводе не приходится сталкиваться с несовместимостью эстетических представлений. Весь образный строй «Калевалы» можно перенести на русский язык». Судя по работе А. Хурмеваары, «самые высокие требования научной достоверности и эстетического совершенства», а также «соблюдение исторической перспективы» (что отмечала А. Хурмеваара, касаясь перевода Бельского) оставались важными проблемами и для карельских переводчиков.

И, наконец, по свидетельству А. Хурмеваары, переводчики избранных рун «восстановили исчезнувшие из прежних переводов параллелизмы, старались не допускать переноса (enjambement), следили за эквиполентностью». Старались переводчики «приблизиться к аллитерационно-ассонансному звучанию оригинала». В ряде случаев, как опять же свидетельствует А. Хурмеваара, «удалось вплотную приблизиться к ритмам «Калевалы» («милая родительница», «с маленькими ягодками», «путника укладывает»). Иногда переводчики вводили в текст рифмы.

Сегодняшняя теория перевода отстает от полноценной теории, отвечающей двум основным требованиям: ТОЧНОСТИ... соответствия оригиналу и ЕСТЕСТВЕННОСТИ его существования как художественного произведения (В. Коптилов, «И вширь, и вглубь...» — сб. «Мастерство перевода», 1973). Что касается точности, то многие теоретики перевода убедительно доказывают, что при творческом подходе к переводу возможна «близость к подлиннику — паразитическая, почти неправдоподобная». На примере переводческого опыта Бенедикта Лившица литературная критика уже продемонстрировала такую возможность. Сопоставление его переводов французских поэтов даже с переводами мастеров такой поэтической плеяды, как Тютчев, Брюсов, Антокольский, Эренбург, показывает, что он выигрывает именно как переводчик. Б. Лившиц находил решение там, где оно представлялось невыполнимым, сохранял максимальную близость к оригиналу там, где, казалось бы, надо было отойти на далекое расстояние. Он передавал структуру произведения в целом и каждого элемента

в отдельности даже тогда, когда все говорило о необходимости коренной перестройки. Пример Б. Лившица говорит о плодотворности метода, который основан на глубоком понимании оригинала и совершенном его прочтении, на осознании смыслового веса каждого из элементов поэтической формы и умении воссоздать иерархию этих элементов в системе композиционного единства произведения.

Названная выше статья В. Коптилова «И вширь, и вглубь» интересна для нас именно утверждением, что «разрушение идейно-образной структуры» в переводе, «даже если в нем передан общий смысл подлинника, ведет к утрате того, что составляет художественную специфику данного произведения. Сохранение структуры, даже при потере тех или иных второстепенных черт оригинала, гарантирует успех переводчика».

К сожалению, фольклорному переводу сегодня уделяется очень мало внимания. Но, как нам представляется, эти требования к переводному тексту еще более приложимы к переводам фольклора в силу устойчивости фольклорной поэтики.

На перевод избранных рун «Калевалы» в новой композиции опубликованы рецензии В. Евсеева («Литературная газета», 1970, 25 ноября), В. Сидельникова («Север», 1971 г. № 4), Г. Фиша («Литературная Россия», 1971, 23 июля), Л. Виrolайнен и К. Чистова («Наш современник», 1971, № 9), К. Азадовского («Звезда», 1971, № 10) и другие. Несмотря на столь солидный состав рецензентов, серьезный разговор о переводе так и не состоялся. Все рецензии, кроме отзыва В. Сидельникова, ограничиваются общими суждениями о достоинстве новой композиции, и часто эти достоинства переносятся на перевод. В рецензиях отсутствует сравнительный анализ: сопоставление перевода с оригиналом. Между тем необходимость серьезного разговора вызывается целым рядом крупных недостатков и просчетов этого издания.

О. В. Куусинен назвал свою композицию «Kalevalan runoutta», что можно перевести как «Из поэзии «Калевалы» или «Из калевальской поэзии». Кроме того, составитель дал ей подзаголовок «Цикл (точнее: сборник — О. М.) избранных рун карело-финского народного эпоса. Составлен на основе изданной Элласом Лениртом «Калевалы». О. В. Куусинен не противопоставлял свою композицию композиции Ленирота. Более того, в предисловии к сборнику «Из поэзии «Калевалы» Куусинен писал: «Стиль «Калевалы» здесь сохранен почти без изменений».

Переводчики дали книге общее название «Калевала» и подзаголовок «Избранные руны карело-финского народного эпоса в композиции О. В. Куусинена», игнорируя таким образом указания составителя. Думается, что это неравномерно. И само название и подзаголовок, где упоминается имя Элласа Ленирота, надо было переводить адекватно, чтобы у читателя не создалось неверное суждение относительно назначения композиции.

О. В. Куусинен подчеркивал, что задача

сокращенного варианта — «облегчить читателю понимание поэтического содержания и красоты нашего эпоса». Поэтому нельзя противопоставлять сокращенную композицию Куусинена каноническому тексту «Калевалы». «Калевала» в редакции Леннрота представляет собой полный и окончательный текст эпоса. Невозможно заменить его другим изданием калевальских рун, — замечал О. В. Куусинен в статье «Эпос «Калевала» и его творцы», которая включена и в это издание в качестве предисловия. И нас очень удивило, что статья О. В. Куусинена, при жизни автора печатавшаяся на русском языке как предисловие к трем изданиям полной «Калевалы», переведенной Бельским, здесь «приспособлена» к переводу сокращенного варианта карело-финского народного эпоса. Конечно, на финском языке в 1949 году она появилась именно в книге «Из поэзии «Калевалы», однако статья-то написана о полной редакции «Калевалы» и цитируется в ней именно полный текст. Та же статья на русском языке была опубликована впервые в 1949 г. в журнале «На рубеже» (№ 2), а затем вошла в «Избранные произведения» О. В. Куусинена (1966 г.), цитаты из «Калевалы» даны в переводе Бельского. В новом издании цитаты взяты из переводов сокращенного варианта, т. е. одна композиция подменяется другой, поэтому не всегда совпадают даже объемы цитат. У читателя может создаться впечатление, что О. В. Куусинен одобрил и русский перевод своей композиции: ведь все же знают, что Куусинен успел познакомиться только с пробными переводами нескольких рун. А, главное, новые цитаты значительно уступают переводам Бельского и в ряде случаев не вполне отвечают ходу рассуждений Куусинена. «...в руне десятой, в которой Вяйнямейнен... «напел» на ветку ели месяц и Большую Медведицу, а затем хитренько предложил Илмаринену подняться на дерево, чтобы достать их, эпос заставляет ель выразить свое удивление легковерием Илмаринена, — пишет О. В. Куусинен в статье «Эпос «Калевала» и его творцы». Раньше здесь цитата давалась в переводе Бельского:

Муж ты слишком *простодушный*,
 Богатырь *без всякой сметки!*
 Лезешь ты, *простака*, на ветви,
 Как ребенок на вершину,
 Чтобы снять тот *нмимый* месяц,
 Это марево созвездья.

(«Voipa miestä mieleöntä, äkkioutoa urosta! Nousit, outo, oksilleni, lapsen-mieli, latvahani, kuvakuun on nouantahan, valetähtyen varahan!»)

Как видите, и в оригинале, и в переводе Бельского действительно говорится о *легковерии*. Это подчеркивается всей лексикой. В новом переводе интонация строфы противоречит интонации оригинала, лексика его понята буквально, поэтому шутливая укоризна выглядит оскорбительной грубостью по отношению к Илмаринену:

Видно, ты герой *безумный*,
 Богатырь *пустоголовый!*
 Ты *зачем* залез на ветки,
Несмышляешь, на вершину,
 Чтобы призрачный снять месяц,
 ложное достать созвездье?

(Перевод А. Титова)

В переводе Бельского: «простодушный», «богатырь без всякой сметки», «ребенок» — слова одного стилистического ряда. В новом переводе после оценочных прямолинейных эпитетов «герой безумный», «богатырь пустоголовый» читать слово «несмышляешь», совсем другой стилевой окраски, довольно странно.

Удивляет также разночтение цитируемых строк, данных в статье и данных в текстах переводов. Так, цитируемая в статье строка «чтобы призрачный снять месяц» в переводе звучит «чтобы призрачный взять месяц». Строки: «Девушка, была бы ты лучше, если бы заговорила, умной усладила (!) б речью», также переведенные с оттенком, не свойственным оригиналу, в тексте выглядят иначе: «Девушка была бы лучше, если бы заговорила, умной насладила (!) речью» (Перевод А. Титова). Непонятная небрежность!

Когда размышляешь о силе поэтического воздействия «Калевалы», хочется проникнуть в тайну ее строф. Структура калевальской строфы — это тот удивительный механизм, который приводит в движение нашу фантазию, создает несколькими словами объемную поэтическую картину. Строфа «Калевалы» весьма подвижна, она всякий раз рождается заново, и всякий раз поражает прямо-таки геометрической стройностью. Задача переводчика — пытаться воспроизвести ее как можно адекватнее. Вот часть одной из таких строф: «Puhas on pulmonen lumella, puhtahampi puolellasi; valkea merellä vaahiti, valkeampi vallassasi, sorea merellä sorsa, soraampi suojassasi; kirkas tähti taivahalla, kirkkahampi kihloissasi».

Приглядимся к переводу А. Хурмеваары:

На снегу чиста голубка,
 а с тобою рядом — чище;
 хоть бела на море пена,
 милая твоя — белее;
 хороша на волнах утка,
 краше — под твоей защитой;
 хоть ярка звезда на небе,
 но твоя невеста ярче.

А. Хурмеваара передала одни строки буквально («а с тобою рядом — чище», «краше — под твоей защитой»), другие — «вольное» («милая твоя — белее», «но твоя невеста — ярче»), нарушив таким разноречием не только «графику» фольклорного синтаксиса, но и смысл. Синтаксическое и смысловое единообразие подлинника вернее воссоздал Э. Гранстрем. Хотя первая строка его перевода требует объяснения («подорожник» — pulponen — это птица, «плючка»), и форма слова «почище» нам представляется не совсем удачной, перевод Гранстрема более фольклорен: «Точно снег, чист подорож-

ник — а жена твоя почище; и бела на волнах пена — а жена твоя белее; и стройна на море утка — а жена твоя стройнее; ясны звездочки на небе — а жена твоя яснее». Собственно, Гранстрем повторил структуру перевода Бельского, который ошибочно обращает слова матери к Кюллики. «Чист по снегу подорожник — а твой муж еще почище; и бела на море пена — а твой муж еще белее; и стройна на море утка — а твой друг еще стройнее; ясны звездочки на небе — твой супруг еще яснее».

Сказанное не означает, что в переводе избранных рун совсем нет удач в смысле передачи структуры отдельных строф. Верно, например, следуют М. Тарасов и Н. Лайне параллелизму в одной из строф руны «Второй поход Лемминкяйнена»: «Ты куда, мой сын, собрался? Не за рысью ли в погоню, не за лосем ли на лыжах?» Но эти удачи очень редки.

Камнем преткновения для карельских переводчиков стала проблема воспроизведения словаря «Калевалы». В переводах избранных рун то и дело нарушается стилевая окраска карело-финских рун. Героический эпос «заземляется», низводится до пародийно-бытового. Вяйнямейнен после долгих скитаний по морю попадает во владения хозяйки Похьолы. Наслышанная о деяниях Вяйнямейнена, старуха Лоухи доставляет его с почетом в свой дом. В оригинале далее сказано буквально следующее: «Накормила голодного, просушила промокшего, долго растирала, растирала, распаривала: вылечила мужчину, вывела героя». М. Тарасов и Н. Лайне перевели эти строки таким образом:

Накормила до отвала (!)
и одежду просушила.
Растирала его долго,
как умела, ублажала. (!)
Вскоре выходила старца,
силу хворому (!) вернула.

Перевод Бельского имеет свои недостатки, но он ближе духу оригинала:

Там голодного кормила,
платье мокрое сушила,
И неделю растирала,
растирала, согривала;
старец выздоровел скоро,
стал герой опять здоровым.

Как видите, никаких фамильярно-просторечных «до отвала» и приторно-слащавых (довольно неуместных в отношениях между Лоухи и Вяйнямейненом) «ублажала» ни в оригинале, ни в переводе Бельского нет. Перевод Бельского ближе оригиналу и синтаксически («И неделю растирала, растирала, согривала» соответствует оригиналу: «Неделю растирала, растирала, распаривала»).

Перевод сокращенной композиции во многих рунах утратил чисто национальные черты. Все-таки несовместимость эстетических представлений в двух фольклорах существует. И нужно было избегать лексики, которая вызывает чуждые «Калевале» ассоциации.

Вдалеке четыре девы,
пять русалок на лужайке
косят травы луговые,
скашивают полевицу
в затененном уголке
островной косы туманной.
(Перевод А. Хурмеваары)

«Пять русалок», скашивающих полевицу — карело-финский ли это фольклор? Кроме того, в перевод А. Хурмеваары проникла легковесная интонация: «Пять русалок на лужайке косят травы луговые». Облегченный ритм еще больше усиливает эту интонацию.

Для Бельского то, что увидел Вяйнямейнен, сказка, которая тем и удивляет, что сказочные девы моря выполняют работу реальных людей с реальной последовательностью. Бельский не стал буквально переводить первую строку: «И он увидел четырех дев» (Niin näkevi neljä neittä), а воспользовавшись указанием второй строки на то, что эти девы — «девы моря», начал строфу совершенно в духе «Калевалы»: «Вот четыре девы вышли, вышли пять девиц из моря». Интонация оригинала и перевода торжественна, а не легковесна, как получилось у А. Хурмеваары.

Точно так же далека от карело-финского фольклора переведенная А. Титовым строфа из руны «Похищение Кюллики»:

Кауко рос, как рыба в плесе,
Аhti ловким стал, как окунь,
вырос молодец могучим,
и цветущим и румяным,
смелым, умным и веселым,
годным на любое дело.

Обилие «чужеродных» определений разрушает образно-смысловую структуру оригинала. В переводе пропали параллелизмы:

«Tuli mies mitä parahin, puhkesi punavegipen» (получился муж что надо, стал парень кровь с молоком), «joka päästänsä pätevi, kohastansa kelroavi» (со всех сторон удался, во всем пригжим выдался). Слово «päästänsä» в строке «joka päästänsä pätevi» понято ошибочно как «голова», откуда «умный», эпитет, отсутствующий в оригинале. Между тем «joka päästänsä» означает «со всех сторон» (A. Turunen. Kalevalan sanakirja. Helsinki, 1949, s. 104). К тому же оригинал не дает оснований для таких сравнений: «Как рыба в плесе», «ловким стал, как окунь». Ближе к оригиналу: «На рыбе Кауко вырос, на окунях набрался роста». Красавица Кюллики (в оригинале) так обращается к Лемминкяйнену:

«Tupa tuolla tuullottavi, nälkäraunio näkyvi.
Kenen onpi tuo tupanen, kenen koti kunnottoman?»

Переводчик настолько «пережал» в своем стремлении пользоваться «максимально живым литературным русским языком», что полностью вывел строки за рамки карело-финского эпоса:

Вон виднеется *избенка,*
пустобрюхая халупа.
Это чья ж хибарка будет,
дом *негодника* какого?

Для сравнения приводим более вольный перевод Э. Гранстрема: «Это что там за лачужка, что с норой звериной схожа? Верно, в ней бедняк ютится, рода низкого, худого».

Увлечение переводчиков словами, которые вышли из употребления или являются областническими, чрезмерно. Из-за этого текст перевода нередко звучит весьма двусмысленно. Современный, особенно молодой, читатель вряд ли без словаря поймет, что означает слово «ботало» в переводе А. Хурмеваары:

Нет, не умерли герои,
Калевы народ не сгинул.
Вдвое больше народилось,
и у каждого ботало
лучше и длиннее прежних (!),
вдвое сети их страшнее (!).

Вызывает недоумение и появление на страницах карело-финских рун слов «бугай» («сам кудесничать он начал, песню вещь запел он, и бугай на зов явился» — переводчики М. Тарасов и Н. Лайне), «беркут», «топляк», «чубарый», «оловый» и т. д.

Достоинством перевода Бельского является его неизменная фольклорность. Несмотря на то, что Бельский пользовался только «литературным» языком, он успешно избежал олитературивания фольклора. Избежал этого и Гранстрем, хотя в его переводе ощущается большая «литературность». Зато в переводах избранных рун печать литературности обнаруживаешь на многих уровнях структуры начиная с синтаксиса и кончая содержанием.

«Калевала» не знает «закрученных» периодов с обилием разнородных придаточных предложений. Строфа, даже состоящая из одного-единственного предложения, обычно разбивается на интонационно-смысловые единицы (синтагмы), равные строчке. Переносы из строки в строку не часты. В руне о Вилпунене есть строфа из 50 строк, но это — 50 строк перечислений. В работе «Калевала» в России» А. Хурмеваара пишет, что карельские переводчики «старались не допустить переноса». Но каждый читатель найдет в их переводах предостаточно количество переносов, осложненных придаточными предложениями и дееспричастными оборотами:

Коль нагрянут люди Похьи,
с севера большие толпы,
чтобы голову срубить мне,
ты скажи, *что* я укрывлю,
спрятался, *идя* отсюда
сразу, *как* срубил подсеку,
ту, *где* свалены деревья.
(Перевод А. Хурмеваары)

Пять придаточных предложений в одном периоде, два переноса («*идя* отсюда — сразу», «срубил подсеку, ту») и дееспричаст-

ный оборот — явный перебор для фольклорного синтаксиса. Мы уж не останавливаемся на смысловой несуразнице: «срубил подсеку, ту, где свалены деревья». Конечно, синтаксис тут продиктован литературой, а не карело-финской народной поэзией. Другой пример взят из перевода А. Титова руны «Подвиги Илмаринена»:

Никогда, *пока* живу я
под серебряной луною,
не попробую напитков,
если здесь я не увижу
ту, *что* в жены мне готовят,
по которой я тоскую.

Осовременивание и олитературивание народного эпоса особенно заметно в синтаксисе и лексике переводов М. Тарасова и Н. Лайне.

И владычица морская
с грудью пышной камышовой
поднялась из черной бездны
и на риф облокотилась,
стала слушать, удивляясь,
как ипрает Вайнямейнен.

(«Itsekin ve'en emäntä, ve'en eukko ruokorinta, jopa nousevi merestä, väännäikse vesikarille tuota ääntä kuulemahan, soitantoa Väinämöisen»).

«Хозяйка воды» (ve'en emäntä, ve'en eukko) превратилась во «владычицу морскую» с «пышной грудью». В оригинале «тростниковая грудь» — это синоним «хозяйки воды». Пропал в переводе параллелизм (tuota ääntä kuulemahan, soitantoa Väinämöisen). Для сравнения перевод Бельского: «Наконец воды хозяйка, вся покрытая травой, поднялась из глуби моря... И на риф облокотилась, чтоб послушать эти звуки, Вайнямейнена напевы».

Иногда новые переводы кажутся несколько отредактированными переводами Бельского. Это подметил уже В. Сидельников, написавший положительную рецензию о переводах избранных рун: «Нередко переводчики шли за Бельским. Оставляли его перевод, а иногда и просто редактировали. Но эта редакция не всегда была удачна» (В. Оидельников, «Север», 1971, № 4, стр. 113). Так, эффектная звуковая инструментовка Бельского переключала в переводе А. Титова: «Хмурой Похьолы хозяйка ставит кушанье вариться, чтоб котлы заклокотали, зашипели сковородки». Сравните с Бельским: «И хозяйка Саариолы стала кушанье готовить; все котлы заклокотали, сковородки зашипели». Перевод Бельского ближе к оригиналу уже потому, что в нем отсутствует придаточное предложение и глаголы-сказуемые расположены параллельно друг другу.

Близкие соответствия нашел Бельский для строфы из последней руны о Марьяте, прекрасно звучащей на финском языке: («Tempoi kartun kankahalta, jolla marjam maahan sorti. Niinpä marja maasta nousi kaunoisille kautoloille, kaunoisilta kautoilta puhtahille polviloille, puhtahilta polviloilta heleville helmasille»):

Прутик тут взяла девица,
Сбила ягодку на землю.
Прыгнула с земли брусника
На башмак ее прекрасный,
С башмака она вскочила
К ней на чистое колено,
С чистого ее колена
На оборочку от платья.

Некоторые отступления от Бельского не делают перевод А. Титова лучше:

Вот *валек с песка* схватила,
сбила ягодку на землю.
Ягодка с земли вскочила
прямо на башмак *девичий*,
с башмака вскочила к деве
на *открытое* колено,
с чистого ее колена
на подол ее узорный.

Появление в лесу «валька» в переводе Титова вызывает недоумение. Между тем слово «karttu» имеет и другие значения: «палка», «палочка» (Tuginep, s. 82). Так что «вольность» («прутик») Бельского оправдана. Удачно нашел Бельский и слово «прыгнула» (в оригинале «поднялась»). Аллитерация, созданная словами «прутик... прыгнула... брусника... прекрасный», скрепляет строки и компенсирует аллитерации оригинала. В переводе Бельского снятагмы равны строчкам. В переводе Титова перенос действия с пятой строки в шестую неуместен: «с башмачка вскочила к деве на»... Вместо слова «открытое», звучащего в строфе о «святой деве» несколько фривольно, в оригинале так же, как у Бельского, — слово «чистое» (puhdas). И, хотя в обеих строфах одинаковое количество слов (33), впечатление словесного излишка создает именно перевод Титова, в котором, по крайней мере, три лишних слова: «вот», «прямо», «девичий». Излишне и повторение «ее».

Карело-финские руны богаты оттенками настроений, переходами от серьезного повествования к юмору, лукавой улыбке и наоборот. Наблюдательность певца и его искусство воплощать свои наблюдения в слове поразительны. Переводчики зачастую «выпрямляют» повествование. В руне «Рождение кантеле» есть строки, рисующие позы, в которых мужчины и женщины слушают игру Вяйнямейнена. Картина в оригинале зримая, тонко передающая ситуацию остановленного мгновения, по сути, освещенная трогательной улыбкой песнопевца, словно бы наблюдающего со стороны эту почтительную и восторженно безмолвную реакцию слушающих игру Вяйнямейнена людей. Бельский схватил эту ситуацию:

Все мужчины, сколько было,
все стояли, снявши шапки,
и что ни было там женщин,
все у щек держали руки.

(«Mi oli miehiä lähellä, ne kaikki lakit käessä, mi oli akkoja lähellä, ne kaikki käsi posella»).

Тарасов и Лайне обеднили картину и даже исказили ее: «Все мужи, что были рядом,

все с голов срывали шапки, сколько ни было там женщин, все, заслушавшись, стояли». «Все с голов срывали шапки» — действие, абсолютно не подходящее к ситуации. В руне «Рождение медведя» переводчики не уловили юмор. В дословном переводе строфа выглядит так: «Вырос медведь красивым, стал великолепным: ноги — короткие, колени — крючковатые, морда — плоская, голова — широкая, нос — тупой, шерсть красивая — взъерошенная». А вот перевод Лайне и Тарасова:

Стал и впрямь медведь красивым,
вырос славным и могучим:
косолапым и лобастым,
и на диво тупоносым,
и с густой пушистой шерстью.

Здесь совсем не та интонация. Лукавая улыбка заменена прямолинейным восхищением: «Стал и впрямь медведь красивым...» Конечно же, медведь косолап и лобаст. А словосочетание «на диво тупоносый» просто-напросто кажется в тексте чужеродным. Надо сказать, что этот эпизод не вполне удался и в переводе Бельского.

Смушает в переводах избранных рун категоричность оценочных эпитетов и категоричность интонаций. Так, переводчики злоупотребляют эпитетами «темный» и «мрачный» в отношении к Похьоле. В оригинале они употребляются далеко не всегда. В рунках свадебных они и вовсе отсутствуют. Переводчики этого не заметили, и Похьола для них остается «мрачной» даже в счастливые мгновения жизни героев. Примечательно, что Бельский не пользуется оценочными эпитетами в свадебных рунках. Также не в духе калевальских рун словосочетания: «тощий высохший лапландец», «колень поганый», «злая пирушка», «злое сборище», «загнанная судомойка», «Похьолы, детина длинный» и т. д. Кстати, «веселый Лемминкяйнен» (у которого постоянный в оригинале эпитет «lieto») стал еще и «бравым Лемминкяйненом» в новых переводах: «гаркнул бравый Лемминкяйнен». Образ калевальского героя здесь явно искажается.

Хотя А. Хурмеваара и пишет в книге «Калевала в России», что «переводчики восстановили исчезнувшие из прежних переводов параллелизмы», у нас такого впечатления не создается. Напротив, многие параллелизмы новой композиции или пропали, или «стерлись», осложненные дееспричастным оборотами, придаточными предложениями, смысловыми «перекосами»: «Там за дальними полями, где проложена дорога» (у Бельского: «На краю вон той поляны, на конце дороги новой»), «в небе день уже занялся, а внизу сверкали волны», (у Бельского: «В высоте блестело солнце, а внизу сверкали волны»). В последнем примере нарушен смысловой параллелизм. Слово «räivä» переведено как «день». Но слово имеет и другое значение — «солнце». В оригинале и в переводе Бельского стоит именно это слово. Картина Бельского передает глубину пространства. Новый перевод эту емкую параллель утратил.

Переводчики не уловили синонимов во многих параллелизмах. Они переводят: «Меряться мечами стали, попытать решили счастье». Но вторая строка в оригинале «koittelivat korttiansa» синонимична первой: «kortti» означает «короткий меч», а не «счастье», «жребий», сравните с русским коротки (см. A. Turunen, s. 109; A. R. Niemi Kalevalan selityksiä, Helsinki, 1910, s. 186) Гранстрем перевел этот параллелизм так: «будем меряться мечами, испытаем силу стали». В строчках: «Синие чулки надела, и платок накинув красный...» параллелизма нет. В оригинале есть параллелизм (sinisukkahan siroikse, rünapaulahan raneikse) и, естественно, нет никакого «красного платка». «Rünapaula» — это лента для ноги («обора»).

Случается, что современные переводчики некритически осваивают Бельского. В одной из строф тридцать пятой руны Бельский не уловил наличия синонимического параллелизма:

Не могу никак постигнуть,
Где найду себе кончину,
Где я смерть найду, несчастный:
В пасти ль воющего волка,
В зеве ль страшного медведя,
У кита ль в огромном чреве,
Иль в зубах свирепой щуки.

Последние строчки строфы, как чаще всего бывает в «Калевале», являются синонимическими. Кит — это «морская щука» (meren hauki), то есть строчки вернее было бы перевести: «У кита ли в чреве, у морской щуки в зубах?» (vaiko vatsahan valahan, meren hauin hampahisin). Переводчики Тарасов и Лайне повторяют ошибку Бельского:

И ума не приложу (!) я,
где бы мне найти погибель,
где, проклятому (!):
в пасти ль воющего волка
или же в зубах медведя,
или у кита в утробе,
или в зеве страшной щуки?

На страницах перевода избранных рун нередко встречаешь образы, возникшие из ложно или неверно понятых слов и словосочетаний. Дочь Похьолы советует Илмаринену сделать «огненную птицу». А. Титов переводит это как «белую большую птицу», вероятно, не зная, что «valkea» не только «белый», но и «огонь». В оригинале параллелизм: «Таор' on tulinen kokko, vaakalintu valke'inen», где слова «tulinen» и «valke'inen» — синонимы (огненный). Кстати, в статье «Эпос «Калевала» и его творцы» О. В. Куусинен писал, что Илмаринен с помощью «выкованного им из железа огнеликого (подчеркнуто мной — О. М.) орла лаймал в реке смерти чудовищную щуку». Еще несколько примеров. Хозяин Тапиолы (образ чуткой природы), который первым услышал игру Вяйнямейнена, стал в новых переводах «строгим старцем Тапиолы». Тарасов и Лайне буквально перевели слово «tarkka», не вдумавшись

в ситуацию и суть фольклорного образа. Неверен перевод А. Титова: «Высосал войну из пальца, просто из конца ладоней» (у Бельского: «В бой свои пускает пальцы и в борьбу пускает руки»; у Гранстрема: «Кулаки он в ход пускает и в борьбу вступает с братом»). Также странно вместо «дрянного старика», который в юности занимался скотоложеством и бесчестил своих сестер, встретить в новых переводах деда, вызывающего даже сочувствие. О нем сказано: «Старый дед в промокшей шапке». Между тем «mäkähattu» — всего лишь презрительная кличка негодного человека.

Понятно стремление наших переводчиков передать аллитерационное богатство карело-финских рун. Многие строки ими озвучены («Жеребца обжег вожжою», «шарили по дну шестами»), однако немало встречается аллитераций, звучащих в контексте весьма искусственно: «в розвальнях он развалился», «изгородь изготовляет» и т. д. Бельский не так часто прибегал к аллитерациям, зато они у него всегда на месте и естественны: «Испугалось железо, в полном ужасе трепещет пред безумной силой жара»; «Все котлы заклокотали, сковородки зашипели»; «И всплыло пиво в бочке, сыплет страшные проклятья». Весьма удачно аллитерировал текст Э. Гранстрем: «Утром выпал снег обильный, замелькал он в легких хлопьях... пеленой покрыл поляны».

Рунопевцы не злоупотребляли красочными эпитетами, пользовались ими осторожно. Эпитет для них — весомое слово, чаще всего с предметным значением. Карельские переводчики насыщают свои переводы эпитетами, не характерными для карело-финского эпоса: «навечная подруга», «задушная голубка», «глубина студеная», «равнины неоглядные», «лук прицельный», «призрачный месяц», «ребенок неугомонный», «вал багряный», «шустрые глаза», «глубокие уныние», «голова буйная», «бравый малый» и т. д. Переводчики пытаются разнообразить русский размер калевальских рун в отдельных строчках. Но когда ритмическое разнообразие вводится нерегулярно, от случая к случаю, без всякой системы, такое разнообразие кажется неуклюжестью. Бывает, что оно вносит в устоявшийся образ чуждую ему черту: «Мудрый старый Вяйнямейнен из утробы вылезает, из груди его могучей, изо рта выскакивает...» Чтение на русском языке строки со словом, «разнообразящим» ритм, иногда затрудняется: «Мудрый старый Вяйнямейнен, заклинанье получивший, вдоволь их послушавшийся». Это, увы, не похоже на ритмы карело-финских народных рун.

Можно было бы приводить слабые места новых переводов еще и еще, но, заканчивая статью, процитируем лишь одно. В нем «удачно» сочетаются и все те недостатки, о которых шла речь выше: появление чуждой оригиналу лексикой, не свойственных ей пародийных интонаций, использование нефольклорного синтаксиса:

Куллерво, Калервы отрок,
Сын его в чулочках синих...

Илмаринена покинул
прежде, нежели проведаль
тот о гибели супруги,
чтобы, горю предаваясь,
тот (?) побоища не начал.
(Перевод Н. Лайне и М. Тарасова)

Сравните это с переводом Э. Гранстрема, которому удалось точно передать трагизм ситуации: «Вот Куллерво, сын Калерво, юноша в чулочках синих, кузнеца решил покинуть, Илмаринена оставить, раньше чем кузнец узнает о погибели супруги и в своем великом горе мстить не вздумает жестоко».

В кратком предисловии от издателей к переводам избранных рун читаем: «О. В. Куусинен поставил перед переводчиками трудную задачу сочетания максимальной адекватности содержания и поэтической точности». К сожалению, в новых переводах слишком часто нарушается дух подлинника или чрезмерным буквализмом, или непонятными отступлениями от оригинала. Дух подлинника нарушается и разностильем. А ведь, как сказано в том же предисловии, Э. Леннрот «с кропотливостью ювелира... отбирал и соединял воедино» отрывки из различных вариантов рун и создавал «связующие стихи» «настолько искусно, что различить их удалось лишь спустя много лет путем тщательного текстологического анализа...»

Переводчики избранных рун «Калевалы» имели целый ряд преимуществ сравнительно с Бельским. Главное из них: существовал перевод Бельского, на который они широко опирались. Недостатки перевода Бельского были вскрыты самими переводчиком, его критиками. На опыте первого рус-

ского перевода полной «Калевалы», в том числе и на его ошибках, можно было многому научиться. Современные переводчики могли прибегнуть и к исследованиям народного эпоса, когда речь шла о неясных местах в отдельных рунах. Кроме того, положительную роль должны были сыграть также успехи в разработке современной теории перевода. И, действительно, данные преимущества в ряде случаев нашли отражение в переводах новой композиции. Однако сравнение обоих переводов и сличение их с оригиналом показывает, что во многих отношениях перевод Вельского так и остался эстетически непревзойденным.

Переводы Бельского и Гранстрема выгодно отличаются от новых переводов своей органичностью. Все-таки, вероятно, перевод единого произведения, да еще такого, каким является «Калевала», должен осуществляться одним автором. Попытки переводчиков искать общий стиль или старания редакторов сгладить почерки переводчиков, на наш взгляд, не плодотворны. Лучше, если на переводе лежит печать одной индивидуальности, чем когда он выглядит неким конгломератом, хотя и усредненным.

Перевод фольклора представляет большие трудности. Он требует глубокого знакомства с историей и культурой народо-творца этого фольклора. Наиважнейшее значение здесь играет хорошее знание языка оригинала, в частности, его архаики. Только терпеливое изучение подлинника и многократная сверка перевода с ним помогают избежать искажений и ошибок.

Опыт переводов «Калевалы» показывает, что карело-финский народный эпос неисчерпаем, что поэтическая красота и богатство его содержания все еще недостаточно освоены в современных переводах.